

УДК 882:82-3(08)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-132-142>

«АРЗАМАССКИЙ КОД» И ТВОРЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В. А. ЖУКОВСКОГО В «ПОВЕСТИ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ» Н. В. ГОГОЛЯ

Денис Александрович Шуков

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
d.schukov@gmail.com*

Аннотация

В сборнике повестей «Миргород» Н. В. Гоголь рассуждает о том, что стоит за народной идиллией. Он показывает абсурдность любого отклонения от своей гармонической модели (смещение суеверия и догм христианства в «Вие», кверулянтство помещиков по глупому вопросу в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Алогичность последней повести является особенно пугающей. Она сигнализирует о распаде культуры доброго соседства, дружбы и патриархальности.

В первой трети XIX в., когда Гоголем были написаны «Вечера на хуторе близ Диканьки», в России массово возникают дружеские общества и активно развивается жанр «дружеское послание», поэтому мотив ссоры, репрезентированный уже в номинации произведения, мог вызывать негативные ассоциации.

Жанр дружеского послания активно развивали участники литературного общества «Арзамас», что вполне могло стать предметом рефлексии Гоголя. Визитной карточкой «Арзамаса» являлась «галиматья», товарищеские посиделки. Абсурдные речи приятелей приобретали письменную форму. Практически всегда фиксировал шуточные тексты заседаний «Арзамаса» поэт В. А. Жуковский.

В связи с этим мы считаем правомерным обращение к этой грани таланта Жуковского при дальнейшем анализе гоголевской повести о двух Иванах, в которой повсеместно выявляются абсурдистика и шаржи. Цель статьи – выявление «арзамасского кода» и анализ творческих моделей произведений Жуковского в гоголевском тексте. Данный анализ проводится впервые и позволит расширить спектр интерпретаций «Повести...». Выбор моделей произведений Жуковского обоснован тем, что поэт являлся бессменным секретарем «Арзамаса»; кроме того, поэт в определенной степени продолжает сентиментальную линию в русской литературе, что коррелирует с избранной для анализа субъективностью дружеских посланий.

Материалом статьи является произведение Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», арзамасские протоколы В. А. Жуковского, а также такие его произведения, как драматическая поэма «Орлеанская дева»; стихотворение «Теон и Эсхин»; статьи из журнала «Вестник Европы»; баллады «Ленора», «Людмила», «Светлана»; дружеское послание «К Батюшкову» и пр.; басня «Ссора плешивых» и пр. В работе применяются компаративный и биографический методы исследования.

Финальная повесть тетралогии характеризуется абсурдностью, а не гармонией. В повести происходит смешение контекстов: светлое, идиллическое соседствует с разрушительным отрицанием, низменное и греховное проникает в сознание гоголевских персонажей. Кроме того, повествователь ставит знак равенства между человеком и вещью.

Человек в финальной повести «Миргорода» постепенно превращается в хищника и вредителя. Главные герои ссорой уничтожают природную гармонию, что противоречит принципам творчества Жуковского. Поэт в своей лирике часто воспевае дружбу, любовь и гармонию, в повести Гоголя же мы видим кризис данных ценностей.

В повести Гоголя нет достаточного количества компонентов дружеских посланий, подобных тем, что писал Жуковский.

Идиллическая модель Жуковского, которая еще просматривалась в «Старосветских помещиках», в «Повести...» совершенно исчезает. Во-первых, нивелируется патриархальность. Человеку уже мало беззаботного пребывания на лоне природы. Во-вторых, читатель не видит семей и семейных пар (Иван Иванович и Иван Никифорович – холосты и не имеют детей). Идиллия в «Миргороде» отныне невозможна, невозможны и гармоничные отношения между персонажами.

Герои не стремятся к познанию нового, не желают отказаться от пагубных страстей. Никто не может вразумить рассорившихся. Иван Иванович и Иван Никифорович превращаются в кверулянтов, а судебная тяжба для бывших друзей становится культом, навязчивой идеей. Они не слышат ни голоса совести, ни советов окружающих. Развитие и воскресение персонажей откладывается навечно.

Известная «арзамасская галиматья» играет роль фасилитатора в ссоре героев. Гоголевский рассказчик меренно использует ее, чтобы продемонстрировать уникальность явления дружбы.

В произведении повсеместно происходит подмена понятий. Дружба превращается в антидружбу, идиллия – в антиидиллию, а низменное подменяет вечные ценности. Абсурд гоголевской повести напоминает арзамасскую карнавализацию. Повествователю присуща высокая патетика при описании низменных предметов.

Таким образом, в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» мы видим решительный отказ от юношеских стремлений Гоголя к постижению и репродукции высоких идиллических и элегических моделей Жуковского. Из текста писателя ясно, что дружба ныне – редкое духовное явление. Это уничтожает модель дружеских посланий и создает своего рода антагонизм, несвойственный творческому мышлению Жуковского. Экзальтированность Гоголя, подражание поэту в «Миргороде» ослабевают. Жуковский верит, что все изменения в мире к лучшему, мнение же Гоголя на этот счет несколько отличается. Он зачастую показывает искаженный, деформированный мир. К финалу «Миргорода» не остается места и эстетическому, ибо Иван Иванович и Иван Никифорович отвратительны в своей мелочности. Гоголь показывает итог отпадения человека от патриархальных традиций и христианских ценностей, что ведет к нарушению логики мироздания (это прозревается и ранее в гибели главных героев повестей «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий»).

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, дружеское послание, повесть, естественность, норма, общество «Арзамас», абсурд

Для цитирования: Шуков Д. А. «Арзамасский код» и творческие модели В. А. Жуковского в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 132–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-132-142>

“ARZAMAS CODE” AND V. A. ZHUKOVSKY’S CREATIVE MODELS IN “THE TALE OF HOW IVAN IVANOVICH QUARRELED WITH IVAN NIKIFOROVICH” BY N. V. GOGOL

Denis A. Shchukov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, d.schukov@gmail.com

Abstract

In the collection of stories “Mirgorod” N. V. Gogol discusses what is behind the folk idyll. He shows the absurdity of any deviation from his harmonic model (the mixing of superstition and dogmas of Christianity in the “Viy”, the landlords’ quarrel over a stupid question in the “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”). The illogicality of the last story is particularly frightening. It signals the disintegration of the culture of good neighborhood, friendship and patriarchy.

In the first third of the XIX century, when Gogol wrote “Evenings on a Farm Near Dikanka”, friendly societies appeared en masse in Russia and the genre of “epistle to a friend” was actively developing, so the motive of the quarrel, already represented in the nomination of the work, could cause negative associations.

The genre of the “epistle to a friend” was actively developed by the participants of the literary society “Arzamas”, which could well become the subject of Gogol’s reflection. The business card of “Arzamas” was “galimat’ya” (nonsense), friendly gatherings. Absurd speeches of friends acquired a written form. The poet V. A. Zhukovsky almost always recorded the comic texts of “Arzamas” meetings.

In this regard, we consider it legitimate to refer to this facet of Zhukovsky’s talent in the further analysis of Gogol’s “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”, in which absurdism and caricatures are everywhere revealed.

The purpose of the article is to identify the “Arzamas code” and analyze the creative models of Zhukovsky’s works in Gogol’s text. This analysis is being conducted for the first time and will expand the range of interpretations of the “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”. The choice of Zhukovsky’s works models is justified by the fact that the poet was the permanent secretary of “Arzamas”; in addition, the poet continues to a certain extent the sentimental line in Russian literature, which correlates with the subjectivity of epistles to a friend chosen for analysis.

The material of the article is the work of N. V. Gogol “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”, “Arzamas” protocols of V. A. Zhukovsky, as well as such his works as the dramatic poem “The Maid of Orleans”; the poem “Theon and Aeschines”; articles from the journal “Herald of Europe”; ballads “Lenore”, “Lyudmila”, “Svetlana”; epistle to a friend “To Batyushkov”, etc.; fable, “The Quarrel of the bald”, etc. Comparative and biographical research methods are used in the work.

The final story of the tetralogy is characterized by absurdity, not harmony. There is a mixture of contexts in the story: the bright, idyllic side by side with destructive denial, the base and sinful penetrates into the consciousness of Gogol’s characters. In addition, the narrator puts an equal sign between a person and a thing.

The man in the final story of “Mirgorod” gradually turns into a predator and pest. The main characters destroy the natural harmony by quarreling, which contradicts the principles of Zhukovsky’s creativity. The poet often sings friendship, love and harmony in his lyrics, but in Gogol’s story we see a crisis of these values.

In Gogol’s story there are not enough components of friendly messages like those that Zhukovsky wrote.

The idyllic model of Zhukovsky, which was still visible in the “Old-World Landowners”, completely disappears in the “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”. Firstly, patriarchy is leveled. A carefree stay in the bosom of nature is no longer enough for a person. Secondly, the reader in the “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich” does not see families and couples (Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich are single and have no children). Idyll in “Mirgorod” is now impossible, and harmonious relations between the characters are also impossible.

The heroes do not seek to learn new things, do not want to give up harmful passions. No one can reason with those who have quarreled. Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich turn into litigators, and litigation for former friends becomes a cult, an obsession. They do not hear the voice of conscience, nor the advice of others. The development and resurrection of the characters is postponed forever.

The famous “Arzamas galimat’ya” plays the role of a facilitator in the quarrel of the heroes. Gogol’s narrator deliberately uses it to demonstrate the uniqueness of the phenomenon of friendship.

There is a substitution of concepts everywhere in the work. Friendship turns into anti-friendship, idyll turns into anti-idyll, and the base replaces eternal values. The absurdity of Gogol’s story resembles “Arzamas” carnival. The narrator is characterized by high pathos when describing lowly objects.

Thus, in “The Tale of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich” we see a decisive rejection of Gogol’s youthful aspirations to comprehend and reproduce Zhukovsky’s high idyllic and elegiac models. It is clear from the writer’s text that friendship is now a rare spiritual phenomenon. This destroys the model of epistle to a friend and creates a kind of antagonism, uncharacteristic of Zhukovsky’s creative thinking. Gogol’s exaltation and imitation of the poet in “Mirgorod” are weakening. Zhukovsky believes that all changes in the world are for the better, but Gogol’s opinion on this is somewhat different. He often shows a distorted, deformed world. By the end of “Mirgorod” there is no place for the aesthetic, because Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich are disgusting in their pettiness. Gogol shows the result of man’s falling away from patriarchal traditions and Christian values, which leads to a violation of the universe logic (this was seen earlier in the death of the main characters in the novels “Old World Landowners”, “Taras Bulba”, “Viy”).

Keywords: N. V. Gogol, V. A. Zhukovsky, epistle to a friend, tale, naturalness, norm, “Arzamas” literary society, absurd

For citation: Shchukov D. A. “Arzamasskiy kod” i tvorcheskiye modeli V. A. Zhukovskogo v “Povesti o tom, kak possorilsya Ivan Ivanovich s Ivanom Nikiforovichem” N. V. Gogolya [“Arzamas Code” and V. A. Zhukovsky’s Creative Models in “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarrelled with Ivan Nikiforovich” by N. V. Gogol]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 132–142 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-132-142>

Введение

Финальное произведение сборника Н. В. Гоголя «Миргород» «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» демонстрирует минорную сторону жизни. Гоголевская повесть насыщена авторским пессимизмом и мрачными коннотациями. Это считывается в структуре текста произведения. Кроме того, Л. В. Карасев пишет, что «название повести вместе с заголовками глав... подчеркивает абсурдность, нелепость случившегося» [1, с. 202].

Известно, что уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь пытается показать читателю свое видение народной идиллии, которая характеризуется цельностью и стройностью (суточные и природные циклы, гармония человека и окружающего мира). В «Вечерах...» Гоголь показывает, к чему может привести разрушение традиций народного единства («Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месть»). У писателя формируется свое понимание категорий идеального и прекрасного.

А. П. Давыдов пишет, что гармония для Гоголя «...царство соборности... единомыслие... патриархальные отношения» [2, с. 90]. В «Миргороде» писатель продолжает рассуждать о том, что стоит за народной идиллией. Он показывает абсурдность любого отклонения от близкой ему гармонической модели (эта абсурдность проявляется в смешении суеверия и догм христианства в «Вие», в зверульстве помещиков в повести о двух Иванах). Алогичность последней повести является особенно пугающей. Она сигнализирует о распаде культуры доброго соседства, дружбы и патриархальности (вспомним, что большинство повестей книги «Вечера на хуторе близ Диканьки» демонстрируют народное единение и дружбу). Действительно, в первой трети XIX в., когда Гоголем были написаны «Вечера...», в России массово возникают дружеские общества и активно развивается жанр дружеского послания, поэтому мотив ссоры, репрезентированный уже в номинации произведения, мог вызывать негативные ассоциации. Под дружеским

посланием (письмом) вслед за томским исследователем Н. Е. Никоновой мы понимаем «своего рода гипержанр преимущественно не информативного характера, в функционально-прагматическом плане имеющий в качестве основной задачи организацию и оформление самого общения» [3, с. 44]. О. Б. Лебедева отмечает, что это «жанр, принадлежащ[ий] к области так называемой домашней поэзии и тем самым относим[ый] именно к личной жизни частных людей, адресата и адресанта» [4, с. 95].

Отношение Гоголя к дружескому посланию противоречиво. Писатель часто нарушает его каноны. У. М. Тодд отмечает, что «образованное общество, культивировавшее... дружеское письмо, не привлекало симпатий Гоголя, воображение которого стремилось увидеть алогичное и нелепое за красивым фасадом... Гоголь возвращает письму субъективность в более глубокой, сложной форме, чем просто приятное выражение чувствительности... Субъективные письма Гоголя исполнены эмоциональной приподнятости и внутренней драматизации, в них ряд признаний (верность которых далеко не всегда может быть подтверждена) и... богатая галерея масок...». [5, с. 167]. Такая эпистолярная культура Гоголя шла вразрез, например, с традициями дружеского послания литературного общества «Арзамас». Именно его участники активно развивают данный жанр, который вполне мог стать предметом рефлексии писателя.

У. М. Тодд подчеркивает значимость этого общества для русских литераторов первой трети XIX в. Исследователь пишет, что арзамасцы непосредственно влияют на культуру и нравы начала XIX в. «...Пушкин, Батюшков и Жуковский были лучшими поэтами своего времени. Вяземский, Жихарев и Вигель написали мемуары, интерес к которым не угас и по сей день. Карамзин, Жуковский, Вяземский, Воейков и Пушкин издавали важные журналы...» [5, с. 46]. Действительно, «Арзамас» (или «Арзамасское общество безвестных людей») стал знаковым общественно-культурным явлением. Он был образован в Петербурге в 1815 г., и его главной целью стоит считать идеологическую борьбу против консервативного общества А. С. Шишкова «Беседа любителей русского слова». Кроме того, арзамасцы «...разделяли интересы своей эпохи: увлечение дружеской перепиской, споры о стиле, культ дружбы, апелляция в литературных вопросах к мнению образованного общества и модное увлечение литературой» [5, с. 45].

Гоголь не являлся участником «Арзамаса», однако его произведения попадали в поле зрения участников общества. Предположим, что поведение Гоголя в обществе коррелирует с карнавальной традицией «Арзамаса», так как писатель порой по-

зволял себе поведение, не всегда укладывающееся в рамки принятых условностей. Например, он мог «...рассказать невероятно смешной анекдот в семье, где носят траур, при первом знакомстве отпустить замечание насчет работы своего кишечника, погрязнуть в пошлых мелочах, беседовать с женщинами принужденно и неестественно (вместо легкой светской болтовни)...», не помешало бы небольшое пояснение того, что в этом карнавального [6, с. 204].

Визитной карточкой «Арзамаса» являлась «галиматья», товарищеские посиделки. Абсурдные речи приятелей приобретали письменную форму. Практически всегда фиксировал шуточные тексты заседаний «Арзамаса» поэт В. А. Жуковский. Он оказался мастером юмористических очерков и дружеских шаржей.

В связи с этим мы считаем правомерным обращение к этой грани таланта Жуковского при дальнейшем анализе гоголевской повести о двух Иваннах, в которой повсеместно обнаруживаются абсурдистика и шаржи. Цель статьи – выявление «арзамасского кода» и анализ творческих моделей произведений Жуковского в гоголевском тексте. Данный анализ проводится впервые и позволит расширить спектр интерпретаций «Повести...». Выбор моделей произведений Жуковского обоснован тем, что поэт являлся бессменным секретарем «Арзамаса» (именно благодаря Жуковскому до нас дошли его протоколы); кроме того, поэт в определенной степени продолжает сентиментальную линию в русской литературе, что коррелирует с избранной для анализа субъективностью дружеских посланий.

Материал и методы

Материалом статьи является произведение Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», арзамасские протоколы В. А. Жуковского, а также такие его произведения, как драматическая поэма «Орлеанская дева»; стихотворение «Теон и Эсхин»; статьи из журнала «Вестник Европы»; баллады «Ленора», «Людмила», «Светлана»; дружеское послание «К Батюшкову» и пр.; басня «Ссора плешивых» и пр.

В работе применяются компаративный и биографический методы исследования.

Результаты и обсуждение

Гоголевская повесть действительно начинается как дружеский шарж – глупая ссора соседей. Однако за смехом повести о двух Иваннах скрывается глубокая печаль, потерянные иллюзии гоголевского нарратора. Жуковский, на которого писатель мог ориентироваться, тоже не ограничивается в своем творчестве лишь смешными арзамасскими прото-

колами. Поэт обращается к духовным темам (смирение, провидение). Отметим, например, дружеское послание поэта «К Батюшкову»:

<...>

Вот жребий драгоценный!

О друг! тогда для нас

И бедствия священны.

И пусть тот луч угас,

Которым украшался

Путь жизни пред тобой,

<...>

Ты жив блаженством милой:

Как тихое светило,

Оно в твоих глазах

<...> [7, т. 1, с. 202].

На творческое сознание Гоголя воздействуют две традиции (дружеские письма арзамасцев, с которыми он мог быть знаком, и субъективные письма в духе сентиментализма). Однако финальная повесть тетралогии характеризуется абсурдностью, а не гармонией. Высокие душевные порывы, зрелый взгляд на жизнь рассказчика соседствуют с карнавальным началом в духе «Арзамаса».

В повести происходит смешение контекстов: светлое, идиллическое соседствует с разрушительным отрицанием, низменное и греховное проникает в сознание гоголевских персонажей. В связи с этим примечательно, что начинается повесть с описания предмета гардероба главного героя, а не с идиллического воспевания степенной и уединенной жизни вдали от соблазнов цивилизации: «Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! ...Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи боже мой! Николай Чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекешки!» [8, т. 2, с. 223].

В повести происходит тотальное овеществление жизни. Повествователь ставит знак равенства между человеком и вещью: «Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде!» [8, т. 2, с. 223]. Примечательно, что гоголевский рассказчик акцентирует внимание читателя на материальном, а не на духовном (последнее постепенно уходит из Миргорода).

После описания бекешки и двора дома Ивана Ивановича упоминается часто считающийся идиллическим образ сада. Тем не менее нельзя утверждать, что он во всем соответствует данному жанру: «Чего там нет! Сливы, вишни, черешни, огорода всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница» [8, т. 2, с. 223–224]. Особый диссонанс в природную гармонию сада вносит кузница, ведь «кузнечное ремесло в народной традиции считалось... искусством, связанным со сверхъестественным знанием, колдовством, в

том числе общением с нечистой силой, чертями» [9, т. 3, с. 22]. Гумно тоже считалось возможным «место[м] обитания демонологических персонажей... Полагали, что демон гумна может активно воздействовать на обмолот зерна, поэтому его убажали и задабривали...» [10, т. 1, с. 37].

Не совсем идиллической стоит признать и жизнь Ивана Никифоровича. Репрезентацией внутреннего мира персонажа является «двор, на котором пестрели индейские голуби, кормимые собственноручно Иваном Никифоровичем, корки арбузов и дынь, местами зелень, местами изломанное колесо, или обруч из бочки, или валявшийся мальчишка в запачканной рубашке...» [8, т. 2, с. 231]. Из представленного эпизода видно, что Иван Никифорович небрежно относится к природе, захламляет окружающее пространство. На его дворе полагаются совершенно непрактичные в быту вещи. В частности, не совсем ясно, для чего он хранит там ружье. Учитывая, что персонаж не является военным человеком, можно было бы предположить, что он охотник или коллекционер. Однако читатель постоянно видит инертного героя: он лежит без дела, ружье не используется по назначению. Это можно рассматривать как своего рода проявление абсурдности бытия помещиков, которое в конечном счете приведет к тому, что ружье выступит поводом для глупой ссоры. Такие ситуации часто высмеиваются в баснях Жуковского («Сокол и голубка», «Голубка и сорока», «Старый кот и молодой мышонок», «Похороны львицы» и др.). Одна из басен поэта и вовсе в номинации имеет лексему «ссора» («Ссора плешивых»). История Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича напоминает ее сюжет:

Два кума лысые дорогой шли

И видят, что-то на траве блистает.

Ну! – думают – мы клад нашли!

«Моя находка!» – «Вздор!» – Уж кума кум толкает

И в спину и в бока!

Увы! последнего седого хохолка

На гладких лысынах не стало!

За что же дело стало?

За что свирепый бой? –

За гребень роговой! [7, т. 1, с. 91].

Человек в финальной повести «Миргорода» постепенно превращается в хищника и вредителя. Главные герои ссорой уничтожают природную гармонию, что противоречит принципам творчества Жуковского. Поэт в своей лирике часто воспевает дружбу, любовь и гармонию, в повести Гоголя же мы видим кризис данных ценностей. Статус персонажей не соответствует действительности (героев называют друзьями, но они таковыми не являются).

Жуковский действительно высоко ценил дружбу. В его творчестве обнаруживается значительное количество дружеских посланий к А. Ф. Воейкову, П. А. Вяземскому, А. А. Плещееву и др. Они наполнены искрометным юмором и теплотой. В повести Гоголя же нет достаточного количества компонентов подобных дружеских посланий.

Агрессия Ивана Ивановича после ссоры с товарищем направлена против невинных: «...Иван Иванович... встретивши Гапку, начал бранить, зачем она шатается без дела, между тем как она тащила крупу в кухню; кинул палкой в петуха, который пришел к крыльцу за обыкновенной подачей...» [8, т. 2, с. 239–240]. Как мы помним, не уступает Ивану Ивановичу в подобном проявлении своей обиды и Иван Никифорович.

П. Х. Тирген пишет, что «смехотворное оружие и в сущности столь же смехотворная ссора соседей привели к злобешей демонстрации банальности зла, прикрытой поверхностным комизмом. Гоголь не оставляет читателю возможности усомниться в том, что оба Ивана являются жертвами черта» [11, с. 109]. Идентичную позицию занимает и Н. Н. Брагина: «...чертовщина и бесовство правят перевернутым миром „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“, но это не пришедшие извне демонические фигуры, а внутренняя сущность антигероев „Миргорода“» [12, с. 63]. В конце повести читатель видит результат демонических устремлений героев: они предстают совершенно обнищавшими, постаревшими помещиками, одержимыми злостью.

Впрочем, это зло нового порядка. Оно не коррелирует, например, с балладными ужасами Жуковского, но страшно своей скрытностью, замаскированностью. Зло становится регулятором городской жизни. Показательна судьба бездомного Антона Прокофьевича, которого унижают все желающие, в частности люди, призванные защищать закон: «...с Антоном Прокофьевичем никто иначе не говорил, как шутя... клали ему на голову зажженную бумагу, чем особенно любили себя тешить судья и городничий» [8, т. 2, с. 268–269].

Идиллическая модель Жуковского, которая еще просматривалась в «Старосветских помещиках», в «Повести...» совершенно исчезает. Во-первых, нивелируется патриархальность. Человеку уже мало беззаботного пребывания на лоне природы (Иван Иванович и Иван Никифорович озабоченыписанием кляуз, искусственно создают себе проблемы, а не наслаждаются гармоничной жизнью в своих поместьях). Во-вторых, читатель не видит семей и семейных пар (Иван Иванович и Иван Никифорович холосты и не имеют детей). Идиллия в «Миргороде» отныне невозможна, невозможны и гармоничные отношения между персонажами. Представ-

ленная ситуация напоминает перевернутый сюжет стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин», в котором Эсхин потерял жизненные ориентиры и ищет утешения у своего мудрого друга Теона. Жуковский подчеркивает значимость дружеского совета:

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои –
Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примиришь;
О! верь мне, прекрасна вселенна [7, т. 1, с. 383].

В разрушении идиллии не обошлось без вмешательства inferнальных сил. Наслаждение простыми радостями жизни, созерцание природы, теплые отношения среди миргородцев к финалу «Повести...» нивелируются. Т. А. Волоконская пишет, что «В „Миргороде“... вмешательство нечистой силы в жизнь человека совершается повсеместно, порождая пестрый, хаотичный характер метаморфоз. Первопричина этого взаимодействия миров – в глобальном уничтожении границ между нормальным и противоестественным» [13, с. 12]. В идиллии же воспеваются естественность, стабильность, у персонажей идиллии целостная картина мира.

В повести Гоголя персонажи не стремятся к познанию нового, не желают отказаться от пагубных страстей. Никто не может вразумить рассорившихся главных героев. Иван Иванович и Иван Никифорович превращаются в кверулянтов, а судебная тяжба для бывших друзей становится культом, навязчивой идеей. Они не слышат ни голоса совести, ни советов окружающих. Жуковский в своей лирике подчеркивает значимость прощения в дружбе:

Друзья! „прости“ – словцо святое,
Оно не значит розно жить;
Напротив – неразлучней быть

Воспоминанием и старой дружбой вдвое! [7, т. 1, с. 223].

Необходимо проанализировать причину ссоры двух Иванов. Возможно, негативное развитие событий обусловлено определенным недопониманием. Обратимся к лексеме «гусак». Во времена Гоголя она являлась полисемантической. Очевидно, что в контексте разговора двух Иванов ее можно интерпретировать как грубость. Однако если дистанцироваться от ссоры главных героев, то оскорбление «гусак» в более широком контексте может стать нейтральным и более приемлемым словом «гордый», так как Иван Иванович буквально держится в обществе как гусь, смотря на людей свысока. Кроме того, обращение к «птичьему коду», на наш взгляд, играет определенную роль (обыгрывание Гоголем своей птичьей фамилии).

Известно, что фамилия писателя происходит от номинации птицы (обыкновенный гоголь). Эта птица является дикой уткой, то есть, с одной стороны, имеет черты степенности, оседлости домашней птицы (гнездование, выведение потомства и т. п.), но, с другой стороны, гоголь явно имеет свой хищнический нрав. Исследователи отмечают, что «...высокий, „горбатый“ череп... высокое надклювье позволяют ему с большой силой сжимать добычу...» [14, с. 972]. Кроме того, эта птица имеет «короткие массивные челюсти... необычно крупные челюстные мышцы...» [14, с. 972]. Так, предположим, что Иван Никифорович посчитал Ивана Ивановича диким, необузданным человеком.

Зверинные и даже хищнические повадки свойственны Ивану Ивановичу. Например, вспомним эпизод ночного набега персонажа на гусиный хлев Ивана Никифоровича, террор «врага» (свинья Ивана Ивановича съедает судебные прошения Ивана Никифоровича), недопущение на свою территорию «противника» и его «союзников» (избиение дворовых мальчишек «недруга» и т. п.). Это метафорически сопоставимо с одним из пунктов седьмого протокола «Арзамаса»: «...делать набеги на халдейскую синагогу; вести войну партизанов, без всякого плана, а положив себе за правило бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попало» [15, т. 13, полутом 1, с. 27].

Впрочем, «Арзамасу» была не чужда и высокая патетика. Она заключалась в наигранной официозности собрания членов общества. У. М. Тодд пишет, что «официальные собрания „Арзамаса“ состояли из чтения (обычно Жуковским) протоколов, шуточных панегириков, приветственных речей и из обедов, на которых подавался жареный гусь» [5, с. 51].

Вновь обратим внимание на образ гуся. С. А. Дубровская отмечает, что появление символики гуся «...можно назвать лейтмотивным: практически в каждом протоколе Жуковский создает смеховые ситуации с помощью „гусиной“ темы...» [16, с. 115]. Кроме того, образ гуся для «Арзамаса» многоаспектен: «Город Арзамас издавна славился гусями; вот и стал гусь символом „Арзамаса“; его изобразили на печати общества; его же обычно подавали на ужин в конце заседания» [17, с. 59]. Важен и момент сакральности данного образа для арзамасцев. П. А. Вяземский пишет: «Поставьте от меня свечку преподобному арзамасскому гусю. Когда приложусь к священной его...» [18, с. 403].

Итак, объединяя факты, рассмотренные выше, заметим определенную символичность ассамблеи городничего (сама лексема «ассамблея» имеет семантику «собрания»). Она отдаленно напоминает заседание «Арзамаса», на него спешат приятели со всего города для того, чтобы прекрасно провести

время за обедом. Помимо этого, на обеденном столе также представлена жареная птица (правда, индейка, а не гусь), что тем не менее не представляется принципиальным. Неравнодушные миргородцы предпринимают авантюрную попытку примирить рассорившихся Иванов на ассамблее городничего. Ничто не предвещает беды, собравшиеся смеются, хорошо проводят время, но все меняется, когда становится ясно, что «злейшие враги» не готовы стать частью приятельской атмосферы. Похожий эпизод можно выделить в одном из протоколов общества «Арзамас»:

Нечто пузообразное, пупом венчанное вздулось,

Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало бурчанье.

Члены смутились, Рейн дернул за кофту Старушку,

С страшной перхотой Старушка бросилась в руки Варвику,

Журка клюнул Пустынника, тот за хвост Асмодея,

Начал бодать Асмодей Громобоя, а этот облапил,

Сморщась, как дряхлый сморчок, Светлану... [19, т. 2, с. 57].

Известная «арзамасская галиматья» играет роль фасилитатора в споре героев. Гоголевский рассказчик намеренно использует ее, чтобы продемонстрировать уникальность явления дружбы. Отметим, что члены общества никогда не были врагами, их связывала дружба и любовь к литературе. Приверженность «галиматье» являлась маркером крепких уз членов общества.

Однако дружба Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича разрывается. Можно провести параллель между «гусаком», которым нарекли Ивана Ивановича, и прозвищем «Ободранная Гуска» [15, т. 11, полутом 1, с. 32], которое было присвоено одному из участников «Арзамаса», так как герой нарушает правила дружбы и не идет на примирение. «Звание» «Ободранной Гуски» получил А. И. Тургенев (Эолова Арфа), член «Арзамаса», за то, что «...издал некоторые непристойные звуки отрицания...» [15, т. 11, полутом 1, с. 32]. Арзамасец «провинился» перед литературным обществом и по «приговору» друзей признан «покойником» и оскорбительное «...прозвание... сохраняет... пока... не воскресит себя» [15, т. 11, полутом 1, с. 32]. Обратим внимание на определенные традиции «Арзамаса» (похоронная символика, обряды, метафорика). Для того чтобы стать истинным арзамасцем, нужно пройти инициацию, связанную с метафорической смертью и возрождением. Иван Иванович отрицает дружеские связи с Иваном Никифоровичем, постоянно судится с «закадычным другом». Герой

умирает для гармоничного мира, в котором христианское милосердие и прощение являются основами мироздания.

В связи с этим развитие и воскресение персонажей откладывается навечно. Символично, что Иван Иванович ест на обеде городничего рыбу: «Он особенно занялся этим полезным и питательным упражнением. Выбирая самые тонкие рыбки косточки, он клал их на тарелки...» [8, т. 2, с. 271]. Ихтиологические образы традиционно ассоциируются с христианской верой, что придает обеде сакральность. Более того, в контексте нашего исследования рыба по своему символическому наполнению соотносима с арзамасским гусем. Тем не менее в данном эпизоде гоголевской повести мы не видим ни христианского братства, ни единения друзей. Все это уничтожается Иваном Ивановичем, подобно рыбе, которую он съедает.

Этика «Арзамаса» не предполагала такого развития событий. Заседания завершались ритуальной трапезой поедания гуся – своеобразной евхаристией (гусь мыслился как бог вкуса, съедание интерпретировалось как приобщение к литературному творчеству и искусству). Приобщение к высокому через пищу – это распространенный сюжет в мировых религиях и культурах. Однако в таком мероприятии важен момент соборности. Подобные трапезы имеют духовное значение, а не гедонистическое (вспомним, например, последний ужин Иисуса Христа с апостолами). Иван Иванович же никого не замечает во время ужина, он лишь наслаждается пищей, что, естественно, не приведет персонажа к соборности и спасению.

Тяжба между бывшими товарищами не прекращается. Понятие «дружба» навсегда забывается в Миргороде, что, безусловно, разрушает прежние этические основы гоголевской книги. На это обращает внимание Н. В. Хомук, отмечая, что «в повести критика „другого“, тяжба „я“ с „другим“ есть бессознательная форма самокритики без необходимого покаяния, обновления и, следовательно, развития» [20, с. 15]. Развитие в художественном мире гоголевской повести откладывается, а затем и вовсе становится невозможным (финальный эпизод в церкви).

Вновь обратимся к абсурдистике «Арзамаса». По мысли М. Н. Виролайнен, словесные эксперименты данного общества иницируют... временное прерывание привычных логических связей ради их же дальнейшего укрепления, подтверждения» [21, с. 483]. Однако дружеские связи главных героев повести Гоголя являются изначально искусственными, поэтому гоголевский нарратор прибегает к многочисленным псевдоподтверждениям теплых приятельских отношений Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Это напоминает «арзамас-

скую галиматью». Ее суть заключалась в многократных повторах, наслоениях.

В произведении повсеместно происходит подмена понятий. Дружба превращается в антидружбу, идиллия – в антиидиллию, а низменное подменяет вечные ценности. Абсурд гоголевской повести напоминает арзамасскую карнавализацию. Повествователю присуща высокая патетика при описании низменных предметов.

Помимо пафосного описания бекеши Ивана Ивановича, повествователь, используя ту же речевую тактику, обращает внимание на предметы, не заслуживающие особого внимания.

Во-первых, это подробное описание экипажей, прибывающих на ассамблею городничего, во-вторых, апогеем миргородского абсурда становится воспевание местной достопримечательности – городской лужи: «...удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть!» [8, т. 2, с. 243].

Все в гоголевской повести предстает не в том свете: «Вдруг Иван Иванович вскрикнул и обомлел: ему показался мертвец; но скоро он пришел в себя, увидевши, что это был гусь, просунувший к нему свою шею» [8, т. 2, с. 243]. Представленный эпизод можно расценить как ироническое обыгрывание балладных сюжетов Жуковского («Людмила», «Светлана», «Ленора»), связанных с ночным явлением выходцев с того света.

Впрочем, смех в повести Гоголя к финалу сменяется плачем природы, который может ощущать читатель, знакомясь с последним эпизодом в миргородской церкви: «Свечи при пасмурном, лучше сказать, больном дне, как-то были странно неприятны; темные притворы были печальны; продолговатые окна с круглыми стеклами обливались дождливыми слезами» [8, т. 2, с. 275]. Человек, окончательно нарушив все естественные законы жизни, теряет связь с природой. Идиллия уходит из жизни миргородцев.

Безусловно, что подобный мрачный колорит мира, лапидарно представленный гоголевским повествователем посредством фразы («Скучно на этом свете, господа!» [8, т. 2, с. 276]), обнажает минорную сторону жизни. Тем не менее «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» трудно сопоставить с элегиями Жуковского. В тексте Гоголя не обнаруживается той высокой грусти, меланхолии, свойственной элегиям поэта. Эти особенности гоголевской повести подменяются усталостью от «поглощающей мир пошлости».

Обратившись к прозе Жуковского в «Вестнике Европы», читатель может обнаружить, что поэт, подобно Гоголю, не всегда сакрализует дружбу. Житейская пошлость и в его парадигме способна

нивелировать данное явление. Так, Жуковский описывает, как в возрасте пятнадцати лет дружил с молодым человеком, однако пути их впоследствии разошлись, поскольку его друг был знатен родом в отличие от будущего поэта. Тем не менее Жуковский упоминает и о противоположной ситуации, когда он был во всем равен с новообретенным другом, но привычки, которые со временем изменились, также развели их дороги и привели к равнодушию [22, т. 10, книга 1, с. 127–128].

Эти случаи из реальной жизни Жуковского демонстрируют всю многогранность, противоречивость и сложность понятия «дружба». Особенно репрезентативен пример поэта с «равнодушной дружбой»: она для него немислима. Жуковский подчеркивает, что дружба – это не привычные разговоры, общие интересы и не совместное приятное времяпрепровождение, это – осознанное и высшее волеизъявление души человека. Поэт отмечает, что «...дружба... есть договор, подобный другим договорам, но только самый священный» [23, т. 10, книга 2, с. 272].

Священный договор в «Повести...» явно нарушен. И. А. Поплавская пишет, что «не случайно повествователю стало „скучно на этом свете“... Эта этико-мировоззренческая позиция повествователя переводит конфликт произведения в особую пространственно-временную плоскость, в которой смысловыми центрами выступают „тот свет“, „этот свет“ и время „второго пришествия“» [24, с. 324]. Упомянутое восклицание автора мо-

жет напоминать о том, что расплата за подобную духовную деградацию рано или поздно постигнет героев.

Заключение

Таким образом, в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» мы видим решительный отказ от юношеских стремлений Гоголя к постижению и репродукции высоких идиллических и элегических моделей Жуковского. Из текста писателя ясно, что дружба ныне – редкое духовное явление. Это уничтожает модель дружеских посланий и создает своего рода антагонизм, несвойственный творческому мышлению Жуковского. Экзальтированность Гоголя, подражание поэту в «Миргороде» ослабевают. Жуковский верит, что все изменения в мире к лучшему, мнение же Гоголя на этот счет несколько отличается. А. С. Янушкевич пишет, что «Жуковскому импонируют мысли Фихте о жизни как великом благе, о познании счастья земного бытия...» [25, с. 124]. Гоголь же зачастую показывает искаженный, деформированный мир. К финалу «Миргорода» не остается места и эстетическому, ибо Иван Иванович и Иван Никифорович отвратительны в своей мелочности. Гоголь показывает итог отпадения человека от патриархальных традиций и христианских ценностей, что ведет к нарушению логики мироздания (это прозревается и ранее в гибели главных героев повестей «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий»).

Список источников

1. Карасев Л. В. Гоголь в тексте. М.: Знак, 2012. 224 с.
2. Давыдов А. П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.: Новый хронограф, 2018. 264 с.
3. Никонова Н. Е. Переписка В. А. Жуковского и Ф. фон Мюллера как памятник литературы и культуры романтизма // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 38–66.
4. Лебедева О. Б. Национальное, имперское, колониальное как фактор частной жизни: послание В. А. Жуковского «К Воейкову» // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 93–107.
5. Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Академический проект, 1994. 207 с.
6. Тодд У. М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб.: Академический проект, 1996. 306 с.
7. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
8. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2. 763 с.
9. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 575 с.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. 697 с.
11. Тирген П. X. Amor legendi, или Чудо русской литературы. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 671 с.
12. Брагина Н. Н. Н. В. Гоголь: симфония прозы (опыт аналитического исследования). Иваново: Типогр. «ПресСто», 2007. 210 с.
13. Волоконская Т. А. Странные превращения в мотивной структуре малой прозы Н. В. Гоголя 1830–1840 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 23 с.
14. Бианки В. В., Держинский Ф. Я., Гринцевичене Т. И. Некоторые морфологические особенности гоголя (*Viscerphala clangula*) как источник его адаптивных свойств // Зоологический журнал. 2009. № 8. С. 968–974.
15. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. Т. 11. Полутом 1. 760 с.
16. Дубровская С. А. Особенности смехового дискурса В. А. Жуковского // Интеграция образования. 2008. № 1. С. 113–117.

17. Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 226 с.
18. Арзамас: сб. в 2 кн. М.: Худ. лит., 1994. Кн. 2. 639 с.
19. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
20. Хомук Н. В. Художественная проза Н. В. Гоголя в аспекте поэтики барокко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 20 с.
21. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб.; М.: Rugram Пальмира, 2022. 503 с.
22. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 10. Кн. 1. 528 с.
23. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 10. Кн. 2. 832 с.
24. Поплавская И. А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 378 с.
25. Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 285 с.

References

1. Karasev L. V. *Gogol' v tekste* [Gogol' in text]. Moscow, Znack Publ., 2012. 224 p. (in Russian).
2. Davydov A. P. *Dusha Gogolya. Opyt sotsiokul'turnogo analiza* [The soul of Gogol. Experience of socio-cultural analysis]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2018. 264 p. (in Russian).
3. Nikonova N. E. Perepiska V. A. Zhukovskogo i F. fon Myullera kak pamyatnik literatury i kul'tury romantizma [Correspondence of V. A. Zhukovsky and F. von Mueller as a monument of literature and culture of Romanticism]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and comparative studies*, 2019, no. 12, pp. 38–66 (in Russian).
4. Lebedeva O. B. Natsional'noye, imperskoye, kolonial'noye kak faktor chastnoy zhizni: poslanie V. A. Zhukovskogo “K Voyeykovu” [National, Imperial, colonial as a factor of Private life: V. A. Zhukovsky's Message “To Voyeykov”]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and comparative studies*, 2017, no. 7, pp. 93–107 (in Russian).
5. Todd U. M. *Druzheskoye pis'mo kak literaturnyy zhanr v pushkinskuyu epokhu* [Friendly writing as a literary genre in the Pushkin era]. Saint Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 1994. 207 p. (in Russian).
6. Todd U. M. *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina* [Literature and Society in the Pushkin Era]. Saint Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 1996. 306 p. (in Russian).
7. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 tomakh. Tom 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 760 p. (in Russian).
8. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh. Tom 2* [Complete works: in 14 vols. Vol. 2]. Moscow, AN SSSR Publ., 1937. 763 p. (in Russian).
9. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh. Tom 1* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary in 5 vols. Vol. 1]. N. I. Tolstoy (ed.). Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995. 575 p. (in Russian).
10. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh. Tom 3* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary in 5 vols. Vol. 3]. N. I. Tolstoy (ed.). Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995. 697 p. (in Russian).
11. Tirgen P. Kh. *Amor legendi, ili Chudo russkoy literatury* [Amor legendi, or the Miracle of Russian Literature]. Moscow, VShE Publ., 2021. 671 p. (in Russian).
12. Bragina N. N. N. V. *Gogol': simfoniya prozy (opyt analiticheskogo issledovaniya)* [N. V. Gogol: Symphony of prose (analytical research experience)]. Ivanovo, Tipografiya “PresSto” Publ., 2007. 210 p. (in Russian).
13. Volokonskaya T. A. *Strannyye prevrashcheniya v motivnoy strukture maloy prozy N. V. Gogolya 1830–1840 gg. Dis. kand. filol. nauk* [Strange transformations in the motivic structure of N. V. Gogol's Short Prose 1830–1840. Diss. cand. philol. sci.]. Saratov, 2014. 23 p. (in Russian).
14. Bianki V. V., Dzerzhinskiy F. Ya., Grintsevichene T. I. Nekotoryye morfologicheskiye osobennosti gogolya (Bucephala clangula) kak istochnik yego adaptivnykh svoystv [Some morphological features of gogol (Bucephala clangula) as a source of its adaptive properties]. *Zoologicheskii zhurnal*, 2009, no. 8, pp. 968–974 (in Russian).
15. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 11. Polutom 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 11. book 1]. Moscow, YaSK Publ., 2016. 760 p. (in Russian).
16. Dubrovskaya S. A. Osobennosti smekhovogo diskursa V. A. Zhukovskogo [Features of the laughing discourse of V. A. Zhukovsky]. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of education*, 2008, no. 1, pp. 113–117 (in Russian).
17. Gillel'son M. I. *Molodoy Pushkin i arzamasskoye bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Brotherhood]. Leningrad, Nauka, Leningradskoye otdeleniye Publ., 1974. 226 p. (in Russian).
18. *Arzamas: sbornik v 2 knigakh* [Arzamas: collection in 2 books]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994. Book 2. 639 p. (in Russian).
19. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 2* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 840 p. (in Russian).
20. Khomuk N. V. *Khudozhestvennaya proza N. V. Gogolya v aspekte poetiki barokko. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [N. V. Gogol's artistic prose in the aspect of Baroque poetics. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2000. 20 p. (in Russian).

21. Virolaynen M. N. *Rech' i molchaniye: Syuzhety i mify russkoy slovesnosti* [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. Saint Petersburg, Moscow, Rugram Pal'mira Publ., 2022. 503 p. (in Russian).
22. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 10. Kniga 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 10. Book 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 530 p. (in Russian).
23. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 tomakh. Tom 10. Kniga 2* [Complete works and letters: in 20 volumes. Vol. 10. Book 2]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 832 p. (in Russian).
24. Poplavskaya I. A. *Tipy vzaimodeystviya poezii i prozy v russkoy literature pervoy treti XIX v.* [Types of interaction of poetry and prose in Russian literature of the first third of the XIX century]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2010. 378 p. (in Russian).
25. Yanushkevich A. S. *Ehtapy i problemy tvorcheskoy evolyutsii V. A. Zhukovskogo* [Stages and problems of V. A. Zhukovsky's creative evolution]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1985. 285 p. (in Russian).

Информация об авторе

Щуков Д. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Shchukov D. A., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 28.09.2022; accepted for publication 07.12.2022